

М.Л. БУТОВСКАЯ

Современная этология и мифы о нарушенном балансе агрессии - торможения у человека*

Вопрос о наличии этологических механизмов агрессии и ее контроля у человека тесно взаимосвязан с представлениями о его биосоциальной сущности, неоднократно поднимался в отечественной науке и сегодня далеко не утратил своей остроты. Хотя значительная часть специалистов полагает, что ортодоксальная доктрина о том, что "в основе всего человеческого лежит культура", не только откровенно вредит познанию истины, но и "порой приближается к отрицанию человеческой природы как таковой" [1, с. 336; 2], в печати продолжают появляться статьи с критикой естественнонаучных (этологических) подходов к анализу поведения человека. Противоречие усиливается тем, что специалисты в области наук о поведении, придерживающиеся, как А. Назаретян, этих взглядов, продолжают ссылаться на раннюю идею К. Лоренца об отсутствии механизмов контроля и ритуализации агрессии у человека.

Обратимся к реальному положению дел в современной этологии и посмотрим, что же известно сейчас о наследственных механизмах кооперации, взаимопомощи и подавлении агрессии у человека.

Классические этологи действительно полагали, что развитие ритуализованных форм агрессии, препятствующих фатальным исходам при конфликтах с себе подобными, являются прямым отражением степени естественной вооруженности вида. Между тем этология, как и любая другая наука, не стоит на месте. На смену классической теории инстинктов пришли другие парадигмы, в соответствии с которыми видовые характеристики поведения куда более пластичны и не столь однозначны. Современные этологи (в первую очередь приматологи) вообще редко оперируют понятием "инстинкт", ибо поведение приматов во многом определяется средовыми факторами, когнитивными способностями особей, возможностями планировать свои действия на основе предшествующего социального опыта (первичная рассудочная деятельность) и других обстоятельств.

Полевые наблюдения показывают, что агрессивные столкновения между соплеменниками у хищников часто ритуализированы, когда речь идет о членах одного сообщества (и в этом случае заканчиваются мирно). Приматологи также не раз описывали агрессивные схватки в пределах стада между мощными самцами павианами гамадрилами, которые обладают смертоносными клыками, заканчивающиеся в подавляющем числе случаев столь же мирно. Вместе с тем известна масса примеров обратного свойства, наглядно показывающих, что запрет на убийство соплеменников не универсален у хищников. Львы, гиены, гиеновые собаки, волки убивают членов своего вида. Это происходит по различным причинам. Во-первых, когда идет "война" между кланами в пределах популяции и один клан побеждает, уничтожая всех пред-

*Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (гранты № 96-06-80405 и 97-06-80272).

Бутовская Марина Львовна - доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

ставителей клана-соперника (реальный факт описан, например, у группы гиеновых собак, обитающих в Серенгети). Во-вторых, когда представители одного сообщества убивают чужаков. В-третьих, когда убивают новорожденных детенышей своего вида. Явление инфантицида типично для гаремных видов и наблюдается в моменты смены власти в группе. Новый самец-лидер избавляется таким своеобразным способом от потомков прошлого хозяина (лангуры, гориллы, павианы гамадрилы и др.) Убивать детенышей могут порой и самки (например, реальные факты поведения двух самок шимпанзе в заповеднике Гомбе Стрим). В-четвертых, в ситуации стресса и фрустрации (случается даже, что сами матери убивают новорожденных - такие факты известны у многих видов приматов, содержащихся в неволе, а также хищных) [1-4]. Инфантицид в большинстве случаев не связан с канибализмом.

Означают ли приведенные выше факты, что у большинства видов запрет на убийство сородичей отсутствует или, говоря словами Назаретяна, что "популяционистский инстинкт подавлен"? Вопрос о социальных отношениях и характере связей между членами социума далеко не ограничивается представлениями об инстинктивном запрете на убийство сородичей, да и сам запрет действует только в определенных обстоятельствах и в отношении ограниченного круга индивидов. Понятие инстинктивного запрета на убийство себе подобных мало что дает для понимания реальных взаимоотношений представителей одного вида. И не удивительно: ясно, что у высших обезьян с их сложным мозгом и длительными сроками детства поведение формируется путем накопления опыта и навыков, а врожденные предрасположенности канализируются реалиями социального окружения и традициями конкретного сообщества.

Агрессия и привязанность неотделимы друг от друга

В книге "Агрессия" Лоренц выдвигает на первый взгляд совершенно парадоксальную идею о том, что агрессии без любви не существует, и наоборот. Смысл состоит в том, что агрессия и привязанность реально существуют лишь во взаимоотношениях между знакомыми индивидами, представителями единого социума [5]. Невозможно выяснение отношений при условии полной анонимности участников, невозможны безадресные конфликты. Эта мысль Лоренца получила дальнейшее развитие и подкрепление в работах многих современных этологов. Не только у человека, но и у всех социальных видов млекопитающих (в первую очередь приматов) агрессия имеет реальный противовес в форме развитых привязанностей, дружелюбного поведения, кооперации и взаимопомощи. С развитием агрессии появляются механизмы ее контроля, препятствующие частому возникновению конфликтов и сглаживающие последние, и механизмы восстановления социальных отношений между бывшими соперниками. Механизмы контроля социальной напряженности - результат возросшей сложности структуры социальных отношений, равно как и итог развития когнитивных способностей у представителей данного вида. Чем социальнее вид и чем более развита социальная структура, тем более сложные и разнообразные формы принимают агрессия и примирение [6]. Феномен человеческой социальности непостижим без четкого представления о том, что агрессия и альтруизм - две стороны человеческой сущности, эволюционировавшие скоординированно, под действием общих факторов.

Ритуализация агрессии и структура социальных отношений

Социум - важнейший способ защиты особей от внешних врагов (хищников), от других конкурирующих за те же ресурсы групп данного вида, наконец, от неблагоприятных экологических условий. Социальная структура и социальные взаимоотношения особей в пределах такой структуры - результат тысяч лет эволюции, адаптация, позволяющая виду выжить и расселиться в пределах максимально большой территории. Вопрос об убийстве себе подобных нужно ставить, следовательно, в другой плоскости: насколько представители одного вида нуждаются друг в друге? насколько гибель соседа по группе отрицательно повлияет на выживание данного животного?

Информация из области социэкологии приматов является важным подспорьем, позволяющим понять пути и причины возникновения конкретных социальных стратегий [7]. В человеческом обществе помимо воспитания на агрессивное поведение большое влияние также оказывают экологические, социальные, экономические и исторические факторы. Например, У. Дарэм рассматривает хозяйственные системы как ведущий фактор, определяющий развитие агрессивного поведения в традиционных обществах [8]. По его мнению, различное использование средовых ресурсов приводит к формированию различного отношения к территории и разным потребностям в кооперации и конкуренции между членами группы.

Хотя Лоренц действительно предполагал в своих ранних работах, что человек эволюционировал как вид, физически лишенный возможности наносить серьезные увечья себе подобным (вследствие чего у него не произошло замещения контактных форм агрессии ритуальными), впоследствии он пересмотрел это положение. По его мнению, в человеческом обществе можно наблюдать *ритуализацию* агрессии, причем она присутствует в двух формах - филогенетической (т.е. является продуктом эволюции) и культурной (итог развития культуры). В обоих случаях ритуал перерастает первоначальную функцию коммуникации и начинает выполнять новые - "сдерживание агрессии и формирование связей между особями одного и того же вида" [5, с. 84].

Культурная ритуализация, как и филогенетическая, несет в себе тройную функцию - запрещает борьбу с членами своей группы, поддерживает групповое единство и отграничивает членов данного сообщества от представителей других групп. Примером культурной ритуализации может являться символическое нанесение повреждений обидчику (родственникам обидчика) в процессе танца, как это можно наблюдать у аборигенов Австралии, песенные дуэли эскимосов Аляски, ругань, разные виды рукопашной борьбы [9]. Применение ритуализованных форм агрессии может служить хорошей разрядкой внутригрупповой напряженности и объективно не опасно.

Общественные виды приматов эволюционировали в направлении оптимального развития механизмов контроля социальной напряженности независимо от того, каковы средние размеры животного, его сила и размеры клыков. У всех коллективных видов существуют буферы агрессии, система стратегий, позволяющих предотвратить эскалацию напряженности в повседневной жизни группы, остановить конфликт и примирить агрессора с жертвой [10]. Разумеется, речь идет о взаимоотношениях между членами одной группы. Что касается чужаков или представителей соседней группы, то там действуют совершенно иные законы. Представители соседних групп являются потенциальными соперниками за ресурсы и территорию, и отношения с ними варьируются в диапазоне от нейтральных к враждебным.

Угроза со стороны членов соседних популяций наряду с опасностью стать жертвой хищников - один из ведущих интегрирующих факторов в жизни животных. Группировки одного вида могут распадаться или укрупняться в зависимости от экологических условий (это позволяет с максимальной эффективностью использовать пищевые ресурсы). Именно численность является главным оружием в межгрупповой агрессии. В патрилокальных сообществах (например, шимпанзе) самцы демонстрируют явную предрасположенность к объединению в группировки и альянсы. Такие группировки представителей одного социума часто формируются с целью набегов на соседние территории и убийства соперников - самцов-соседей. Агрессоры во время нападений на членов другой группы никогда ничем не рискуют, ибо подстерегают жертвы, когда те не способны оказать реального сопротивления. Так, ни один самец из коалиции нападавших шимпанзе сообщества Касакела в Гомбе не получил ранений, убивая самцов из сообщества Кагама. Случаи рейдов, сопровождаемых убийством самцов из соседних сообществ, описаны приматологами в разных национальных парках Африки, что указывает на видоспецифичность такого поведения [11].

Итак, для большинства видов хищных и приматов основным препятствием к убийству взрослых особей своего вида является не высокая степень ритуализации агрессии, не врожденный запрет на убийство себе подобных, а реальная опасность быть убитым

(или получить серьезные увечья) самому [7]. Соблюдение паритета, постоянный баланс власти (на индивидуальном и межгрупповом уровне) - таков основной механизм, препятствующий распространению практики убийства себе подобных у животных. У человека способы поддержания такого баланса различны и во многом определяются культурой. Сам феномен универсален и определяется социально-экологическими факторами.

Вопреки представлениям ряда психологов, в эволюции всех социальных видов животных идет постоянный отбор на контроль за уровнем внутригрупповой агрессии, это особенно заметно на примере отряда приматов. Конфликты не могут достигать того уровня, когда под угрозой ставится сплоченность группы. По этой причине и у предков человека, и на протяжении всей эволюции самого человека вырабатываются механизмы, препятствующие внутригрупповым конфликтам.

Контроль социальной стабильности

В статье Назаретяна утверждается: "Этологи и антропологи полагают, что у гоминид, лишенных клыков, рогов и копыт, популяционноцентрический инстинкт изначально был слабо выражен". Не могу не высказать искреннего удивления.

Будучи этологом и антропологом, я выражу не только свое собственное мнение, но и мнение подавляющего большинства представителей указанных дисциплин, сказав, что человек и его далекие предки всегда были существами социальными. Именно в силу того факта, что ни размеры тела, ни его физические возможности (скорость передвижения) не могли обеспечить нашим далеким предкам реальной безопасности при переходе к наземной жизни, социум являлся единственным шансом на выживание и единственной защитой для ранних гоминид. Вся история человеческого рода есть история диалектического развития кооперации и конкуренции, альтруизма по отношению к своим (родственникам, друзьям, знакомым) и эгоизма по отношению к чужим (нечленам группы, потенциальным врагам).

Ни человек, ни его предки, ни его ближайшие родственники - шимпанзе и бонобо - никогда не были лишены естественных тормозов агрессии. К настоящему времени механизмы торможения агрессии и примирения изучены у значительного числа таксонов приматов (около 20 видов) - от полуобезьян (лемуры) до высших человекообразных обезьян (гориллы, бонобо, шимпанзе), равно как и в пределах одной таксономической группы — представителей родов *Papio* или *Macaca* (горизонтальные сопоставления) [10]. Животные, ведущие групповой образ жизни, ощущают существенный дискомфорт от нарушения социальных связей и повышения социальной напряженности. Не только жертва, но и сам агрессор испытывают отчетливый физиологический стресс от конфликта и именно действия примирения являются эффективным способом его устранения у бывших соперников.

Имеющихся фактов достаточно не только для того, чтобы сделать выводы о наличии механизмов контроля социальной напряженности у приматов независимо от того, имеются ли в распоряжении данного вида реальные "орудия убийства", но и для того, чтобы проследить тенденции в развитии такого рода контролирующих механизмов.

Становится ясно, что, во-первых, чем сложнее социальная организация, тем сильнее развиты механизмы примирения и тем они более разнообразны. Во-вторых, с повышением уровня филогенетического развития прослеживается возникновение специальных элементов поведения, используемых избирательно в контексте примирения. Для шимпанзе, например, это поцелуи, для бонобо - элементы сексуального поведения [12,13]. В-третьих, замечено, что уровень примирения намного выше у видов с гибкими, эгалитарными, социальными отношениями [14]. Наконец, в-четвертых, с развитием когнитивных способностей происходит расширение круга индивидов, участвующих в торможении конфликта. Помимо "утешителей" и "защитников" появляются индивиды - "мирители", поведение которых однозначно направляется на стимулирование бывших соперников и восстановление мирных отношений. Шимпанзе и бонобо не

только обладают врожденными мотивациями к примирению после ссоры, агрессия в группе воспринимается как негативное явление всеми ее членами (в постконфликтный период родственники агрессора и жертвы активно стараются загладить конфликт, успокоить участников; третьи особи могут даже помочь поссорившимся помириться).

Данные о моделях примирения в человеческих сообществах указывают на возможную эволюционную преемственность этого феномена и общее сходство его основополагающих механизмов с высшими обезьянами. Налицо дальнейшее развитие и усовершенствование моделей примирения, отчетливое дифференцирование этого процесса на отдельные фазы. Речь идет о выработке культурных механизмов, сигнализирующих о намерении конфликтующих прекратить агрессию. По мнению исследователей, феномен примирения у обезьян гомологичен именно этому поведению [15].

Особая культура примирения возникает в пределах детской субкультуры и передается в процессе общения от старших детей к младшим. Эта культура объединяет в себе переходные элементы от мира животных к миру взрослых людей. Феномен примирения прослеживается уже у детей двухлетнего возраста, что дает некоторые основания говорить о врожденной предрасположенности к примирению у человека [6].

Агрессия и плотность популяции

Наряду с неверными представлениями об отсутствии врожденных механизмов контроля агрессии у предков человека в научной литературе продолжает бытовать миф о том, что "концентрация и у животных, и у людей усиливает агрессивность". Справедливо ли такое утверждение в отношении человека и других приматов? Современные данные говорят о том, что связь этих факторов не столь очевидна.

Уже в начале 70-х годов было обнаружено, что плотность сама по себе может и не являться ведущим значимым фактором, запускающим агрессию. Приматы в отличие от крыс обладают надежными механизмами, позволяющими им справиться с дискомфортом перенаселенности. Случаи, когда в процессе эксперимента группу обезьян переводили из большего помещения в меньшее, после чего следовал всплеск агрессии, - реальные факты. Однако аналогичная реакция была зафиксирована и после того, как животным предоставляли новое, куда более просторное жилье. Так, Б. Александер и Э. Рос с удивлением сообщили о всплеске жестокой агрессии, сопровождающейся убийствами в группе японских макаков после того, как они были переведены в вольер, превосходящий по площади исходный в 73 раза [16].

В описанных примерах ведущим общим пусковым фактором агрессии была новизна обстановки. Причиной насилия являлись не реальные стесненные условия обитания, а незнакомая окружающая среда. Эти и подобные сведения заставили задуматься над справедливостью исходной парадигмы: высокая плотность - высокая агрессия.

Проверить новую гипотезу на практике удалось нескольким исследователям [17]. Прежде всего нужно упомянуть о многолетних наблюдениях за жизнью колонии шимпанзе в Арнемском зоопарке (Нидерланды). Группа в летнее время обитала в большом открытом вольере, тогда как на зиму оставалась в закрытом помещении, составляющем по площади примерно 5% площади вольера. Разумеется, обе территории были хорошо знакомы группе, что позволило исключить эффект новизны помещения и проанализировать связь социальных отношений в группе с плотностью в более чистом виде.

Вопреки всяким ожиданиям оказалось, что в зимнее время все жестокие конфликты за предел власти между самцами стихали, а число ранений в помещении никогда не бывало выше, чем в летнее время. Напротив, в зимнее время резко возрастал уровень affiliативного поведения, умиротворения, груминга и дружелюбных демонстраций, несомненно, направленных на сглаживание социальной напряженности и предотвращение вспышек агрессии. В зимнем помещении могли происходить и вовсе "невероятные" с точки зрения опыта наблюдений в летнее время события. К примеру, самки, отчетливо недолголюбивающие друг друга и никогда не контактирующие в открытом вольере, в зимнем помещении в ситуациях напряженности могли подставляться друг другу под груминг и даже оставаться рядом некоторое время.

В другом исследовании группы макаков резусов размещали на острове, который был в 646 раз больше по площади в пересчете на одну особь, чем наименьшее из экспериментальных помещений. Средний уровень агрессивных столкновений варьировался от 1,6 до 2,6 в час. Хотя в самом маленьком загоне уровень агрессии и был выше, влияние плотности оказалось малозаметным. Напротив, уровень умиротворения и груминга равномерно нарастал с уменьшением размеров помещения.

Всплеск агрессии при смене условий обитания - явление временное. Когда популяция обезьян достаточно долго живет в конкретных условиях, интенсивность агрессии стабилизируется на видотипичном уровне и варьируется при различной плотности незначительно. Социальная система, особенности иерархии и родственные отношения остаются неизменными при всех условиях, и именно эти структуры обеспечивают стабильность социального поведения. Тот факт, что при повышении плотности наблюдается повышение уровня груминга и элементов умиротворения, указывает на механизмы, используемые обезьянами для нейтрализации социальной напряженности.

Ф. де Ваал, один из ведущих специалистов в области теории социального равновесия, полагает, что члены группы находятся в постоянных "переговорах" друг с другом, подстраивают и соотносят свои намерения и ожидания в соответствии с реальными сиюминутными внешними условиями, и такое лавирование позволяет обезьянам максимально безболезненно переживать неблагоприятные времена. Каждый конкретный социум являет собой ограниченное социальное пространство, удерживающее особей вместе, и это социальное пространство лишь относительно зависит от реальных размеров территории, в которых такой социум существует. Поскольку чувство групповой принадлежности и ценность реальных отношений с конкретной особью остаются неизменными, ни уровень агрессии, ни уровень примирений не повышаются значимо по сравнению с естественной средой обитания, если измерить эти показатели у группы, долгое время живущей в условиях более высокой плотности.

Указанные представления во многом согласуются с реальными фактами человеческой истории. В первую очередь человек в процессе своей эволюции демонстрирует поразительные примеры эффективного контроля негативных последствий перенаселенности. Популяции с высокой плотностью, ограниченные рамками небольшой территории (японцы, яванцы или мальгаша, голландцы), каждая по-своему выработали взаимную терпимость, конформность и согласие; уровень агрессии и преступности у этих народов не только не выше, но много ниже по сравнению со средними мировыми значениями. Напротив, народы, имеющие в своем распоряжении большие территории, часто ориентированы на индивидуализм, эгоизм и самодостаточность. Соотношение индивидуальных и коллективных ценностей влияет на формирование моральных установок, принятых данным обществом, и эти моральные установки составляют основу реакции на давление внешней среды. Выработанные культурой моральные принципы формируют противовес, обеспечивающий устойчивость социума к перенаселенности.

Заключение

Представления о том, что гоминиды были физически слабыми существами, не соответствуют истине. Не таковы и их ближайшие родственники - шимпанзе, бонобо. Палками и камнями хорошо владели общие предки шимпанзе и гоминид, так что ни на каком из этапов эволюции человек беспомощным не был. Коль скоро ранние гоминиды вышли в саванну, стали потреблять мясную пищу (охотились ли они или собирали падаль, в данном случае значения не имеет), они могли и умели за себя постоять, да так, что оказались не по зубам самым крупным хищникам того времени. Не удивлюсь, если когда-нибудь станет известно, что леопарды, львы и гепарды ранних гоминид попросту боялись. Современные леопарды избегают нападать на группу шимпанзе.

Человек, его предки и ближайшие родственники всегда были и остаются глубоко социальными существами. Их агрессивное поведение эволюционировало в тесной взаимосвязи с другими формами социального общения и контролировалось самим

социумом. Тот факт, что у неандертальца, к примеру, лобные доли мозга были слабее развиты по сравнению с человеком современного вида, не свидетельствует об отсутствии у него наследственных программ контроля агрессивного поведения. Скорее всего, речь идет о том, что в своих действиях он был более импульсивен и эмоционален, что культурные запреты и этические нормы еще были малоэффективны как буферы агрессии. Общение на межгрупповом уровне среди неандертальцев было проблематичным. Агрессивное поведение человека и приматов в определенной мере ритуализовано. Механизмы контроля агрессии тесно связаны с особенностями социологии вида (у приматов) и с типом хозяйства (у человека). В репертуаре человека имеются глубинные этологические механизмы контроля агрессии и восстановления социальных связей. Качественно новый для человеческого общества феномен - распространение действия механизмов примирения на межгрупповые отношения. Возникновение такого рода законов знаменует собой тенденцию к плотному общению на межгрупповом уровне, потребность в объединении с соседними социумами. Культура придает ритуалам агрессии и примирения фундаментально новые свойства, делая их глубоко символическими и осмысленными.

Положительная связь между плотностью популяции и уровнем агрессии - далеко не очевидный факт для человека и других высших приматов. Во многих случаях всплеск агрессии является выраженной реакцией на новизну. У приматов, в том числе и у человека, имеются мощные механизмы социальной стабилизации, позволяющие удерживать агрессию на постоянном уровне. Всплески агрессии в пределах одного социума у человека находятся под двойным контролем природных и культурных механизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
2. Эфраимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995.
3. Бутовская М.Л. Инфантицид у приматов и человека и проблемы социального поведения гоминид // Биологические науки. 1990. № 12. С. 5-23.
4. Гудолл Д. Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992.
5. Лоренц К. Агрессия. М., 1994.
6. Бутовская М.Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность. 1998. № 6.
7. Wrangham R., Peterson D. Demonic Males. Boston-New York, 1996.
8. Durham W. Resources, Competition and Human Aggression: a Review of Primitive Warfare // Quartal Review of Sociobiology. 1976. Vol. 51. № 3.
9. Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.
10. Бутовская М.Л. Эволюция агрессии и примирения у приматов и человека // Социальная антропология на пороге XXI в. М., 1998.
11. Manson J.H., Wrangham R.W. Intergroup Aggression in Chimpanzees and Humans // Current Anthropology. 1991. №4.
12. Waal F.B.de. Roosmalen A.van. Reconciliation and Consolation Among Chimpanzees // Behavioural Ecology and Sociobiology. 1979. Vol. 5.
13. Waal F.de. Reconciliation among Primates: a Review of Empirical Evidence and Unresolved Issues//Primate Social Conflict /Eds. Mason W.A., Mendoza S.P. Albany, 1993.
14. Waal F.de. Peacemaking Among Primates. Cambridge (Mass.), 1990.
15. Silk J. The Function of Peaceful Post-Conflict Contacts Among Primates // Primates. 1997. Vol. 38. № 3.
16. Alexander B., Roth E. The Effects of Acute Crowding on Aggressive Behaviour of Japanese Monkeys//Behaviour. 1971. Vol. 39.
17. Waal F.de. Good Natured. Cambridge (Mass.), 1996.